

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 321.01

БИОПОЛИТИКА КАК АСПЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НЕЛИБЕРАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ (НА ПРИМЕРЕ КНР)

Н. В. Кшевин

Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)
Kshevin.zrb71@gmail.com

О. А. Симоненко

Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)
001873@pnu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию границ потенциальной применимости понятия биополитики к исследованию современных элементов государственного управления нелиберальных политических режимов на примере Китая. Показано, что понятие «биополитика» в интерпретации М. Фуко достаточно затруднительно использовать для анализа процессов в современных странах Востока по причине изначальной ориентированности понятия его на западную интеллектуальную традицию. В этой связи на основе анализа работ ряда исследователей биополитики авторы предлагают обратиться к различным стратегиям расширения понятия в целях определения наиболее подходящей из них для описания особенностей государственного управления в нелиберальных политических режимах. В данной работе авторы обращаются к примеру КНР. Отмечается, что нелиберальный политический режим современного Китая, обладает признаками биополитического государственного управления. Сделан вывод, что биополитика как технология власти над населением свойственна не только либеральным политическим режимам.

Ключевые слова: биополитика, авторитарная система государственного управления, глобализация, коммодификация, государственное управление, биотехнологии.

Для цитирования: Кшевин, Н. В., Симоненко, О. А. (2021). Биополитика как аспект государственного управления нелиберальных политических режимов (на примере КНР). *Respublica Literaria*. Т. 2. № 2. С. 86-97. DOI:10.47850/RL.2021.2.2.86-97.

BIOPOLITICS AS AN ASPECT OF PUBLIC ADMINISTRATION IN NON-LIBERAL POLITICAL REGIMES (ON THE EXAMPLE OF THE PRC)

N. V. Kshevin

Pacific State University (Khabarovsk)
Kshevin.zrb71@gmail.com

O. A. Simonenko

Pacific State University (Khabarovsk)
001873@pnu.edu.ru

Abstract. The article focuses on the potential applicability of biopolitics to modern elements of public administration in non-liberal political regimes on the example of China. M. Foucault's biopolitics is a rather difficult concept to use for the analysis of modern countries of the East due to the initial connection of the concept to the Western intellectual tradition. Based on analysis of the various researches in biopolitics, we propose to look further into strategies for expanding the concept to determine the most suitable for the study of public administration in non-liberal political regimes on the example of the PRC. It is noted that modern China, being an example of a non-liberal political regime, has signs of biopolitical state governance. It is concluded that biopolitics as a technology of power over the population is not an exclusive part of liberal governance.

Keywords: biopolitics, authoritarian governance, globalization, commodification, public administration, biotechnology.

For citation: Kshevin, N. V., Simonenko, O. A. (2021). Biopolitics as an aspect of public administration in non-liberal political regimes (on the example of the Chinese National Republic). *Respublica Literaria*. Vol. 2. no 2. pp. 86-97. DOI:10.47850/RL.2021.2.2.86-97.

Феномен власти всегда был предметом широких дискуссий в социально-гуманитарных науках, а также в различных междисциплинарных областях. Время диктует свои правила, следуя которым социальная жизнь находится в состоянии динамической стабильности. Приходится признать, что именно капиталистическая система в ее актуальном состоянии, будучи фундаментом нашего времени, выступает в качестве первопричины для двух главных феноменов современности: глобализации и коммодификации общественной жизни.

В середине XX в. французский философ Мишель Фуко предпринял попытку объяснить значение этих тенденций для общества в целом и для каждого индивида в частности с помощью понятия биополитики – особенной технологии организации процессов управления населением. Основными исследовательскими кейсами для М. Фуко стали практики по государственному контролю над соотношением рождаемости к смертности, поддержке здравоохранения и физического здоровья граждан. Они же выступают в качестве главных маркеров, по которым можно узнать биополитику среди различных государственных проектов и инициатив [Фуко, 2010].

Благодаря любопытному стечению обстоятельств, элементы таких управленческих решений могут быть обнаружены в современном Китае, хотя несмотря на богатство примеров биополитической власти, современные исследования в области биополитики обходят Китай стороной. Подобное предубеждение может быть связано с особым статусом биополитики как способа описания систем государственного управления в преимущественно западных либерально-демократических обществах. Мы предполагаем, что сфера применения биополитических исследований намного шире, так как включает в себя и нелиберальные политические режимы. Для подтверждения данного тезиса мы предлагаем проанализировать различные стратегии расширения биополитической проблематики на предмет возможности включения элементов нелиберальной правительности – особенной управленческой рациональности, характерной для нелиберальных режимов. Понятие правительности было введено М. Фуко для описания совокупности определенных стратегий управления обществом [Фуко, 2011]. Используя

современный Китай в качестве примера, мы попытаемся выяснить, действительно ли подход нелиберальных политических режимов к управлению населением можно рассматривать в духе биополитики, или же молчание исследователей по отношению к этому кейсу оправданно?

Мишель Фуко утверждает, что биополитика начала зарождаться в XVIII – XIV вв. как особенная управленческая стратегия [Фуко, 2011]. Предпосылками для ее возникновения становятся широкое распространение государственного меркантилизма с одной стороны, и появление понятия населения с другой. По мнению М. Фуко, до этого периода власть обращалась к людям как к совокупности единичных объектов. В силу таких обстоятельств, как массовость, индустриализация и усложнение бюрократического аппарата государства, единичные объекты власти начинают проявлять эмерджентные свойства, становясь населением. Эти свойства продиктованы тем, что совокупность объектов власти теперь может быть рассмотрена как единый объект, который подвержен общим процессам жизни. Об этом сигнализирует актуализация вопросов рождаемости, смертности и здоровья в управленческой политике, которая только будет нарастать вплоть до сегодняшнего времени. Укоренение практик государственного вмешательства в хозяйственную деятельность и одновременное становление массового труда как фактора производства силами разнообразных количественных подсчетов сделало возможным обращение к совокупности граждан как к единому целому – населению.

Среди признаков биополитики можно выделить: нацеленность на управление населением как единым объектом власти, планирование на основе статистических подсчетов, проникновение в каждый аспект жизни населения. Биополитика начала развиваться из осознания того факта, что население растет подобно живому организму, а поэтому оно может быть использовано для максимизации прибыли и минимизации издержек посредством опосредованного вмешательства в естественные процессы развития. Подобное вмешательство производилось с помощью массовых проектов, таких как вакцинации, переписи населения, демографическая политика и т.д. Однако подход М. Фуко содержит существенное препятствие для нашей работы. В сущности, он ограничивает пространство применения понятия только историческими примерами социально-политического развития Европы.

В своих поздних работах М. Фуко отходит от тем, связанных с биополитикой, эта концепция не получает дальнейшего развития в трудах французского исследователя. Возможно, именно фундаментальная незавершенность биополитического проекта придала изначальный толчок появлению обширного поля биополитических исследований в современных политических и философских дисциплинах. В этом свете становится совершенно не удивительно то многообразие способов говорить о биополитике, которое мы можем наблюдать на сегодняшний день.

Можно выделить две стратегии того, как можно говорить о биополитике, чтобы включить в ее поле не только специфику западной интеллектуальной традиции, но и практику государственного управления современных стран Востока. Каждая из стратегий в некоторой степени расширяет возможности применения понятия, но делает это по-разному. Одна из них связана с обращением к технологиям, составляющим инструменты биополитического контроля, другая – с регулированием соотношения социальной

и физиологической жизни. Подробно разберем каждую из стратегий и сделаем вывод о том, какая из них наиболее подходит для исследования феномена биополитики в контексте нелиберальной правительности.

Так как одним из признаков биополитики является проникновение власти во все сферы жизни индивидов, некоторые исследователи сделали вопросы, связанные с определением специфики того, чем в случае вмешательства биополитики является собственно жизнь, центральными для своих трудов. Например, Джорджо Агамбен определяет биополитику как власть над жизнью – совокупностью социальных и физиологических параметров индивидов. [Агамбен, 2011]. Однако в отличие от М. Фуко, современный итальянский исследователь видит источник биополитики в первоначальном разделении человеческой жизни на два аспекта – физиологический и социально-политический. Подобное разделение обнаруживается везде, где имеет место феномен политики, а в интеллектуальной традиции обсуждение проблемы дихотомии начинается еще с Аристотеля. Как говорил об этом сам Фуко: «На протяжении тысячелетий человек оставался тем, чем он был для Аристотеля: живущим животным, способным, кроме того, к политическому существованию; современный же человек – это животное, в политике которого его жизнь как живущего существа ставится под вопрос» [Фуко, 1996]. Для французского исследователя подобное включение «природной» жизни в политическую оказывается специфическим для периода начала Нового времени. В этом моменте Д. Агамбен не соглашается с Фуко, и именно в вопросе происхождения биополитики утверждается радикальное отличие двух обозначенных нами авторов.

Для того чтобы реконструировать специфическое для Д. Агамбена понимание биополитики, следует обратиться к понятию истока, которое занимает центральное положение во всех его работах. Будучи продолжателем идей не только М. Фуко, но и таких фигур философии, как М. Хайдеггер и В. Беньямин, Д. Агамбен выводит вопрос о феномене историчности на первый план своих исследований. Суть истока заключается в особой философской позиции, согласно которой происхождение любого феномена не может быть историзировано, иначе говоря, не может быть представлено как некоторое единичное событие. Д. Агамбен переносит принцип работы понятия «исток» на анализ властных отношений в целом и биополитики в частности.

Вернемся к тому, что М. Фуко называл предысторией биополитики. По его мнению, биовласти предшествовали другие технологии управления: суверенная и дисциплинарная власть. Однако М. Фуко делает оговорку о том, что суверенные и дисциплинарные механизмы власти никуда не исчезают, просто теряют свою актуальность. Действительно, в случае дисциплинарных механизмов власти это очевидно: школы, больницы, казармы и тюрьмы никуда не исчезли, несмотря на общественные настроения, указывающие на кризис классических институтов дисциплины [Хоркхаймер, Адорно, 1997]. В таком случае возникает вопрос, на каком уровне продолжает функционировать суверенная власть, главной характеристикой которой является самодержавная воля суверена в вопросах дозволения права подданным на жизнь? Именно с этого вопроса начинается биополитика Д. Агамбена.

Аристотель, чье мировоззрение выступает в качестве фундамента для всей западной традиции политики и философии, разделяет человеческую жизнь на два аспекта: *Zoe* как физиологическую жизнь и *Bios* как высшую социально-политическую жизнь. Следуя определению Аристотеля, человек является политическим животным. Именно феномен политического животного проблематизируется Д. Агамбенем [Агамбен, 2012]. Вся западная политическая традиция в вопросах философской антропологии выделяет социальную сферу как отличительный признак человека от животного. Сюда включаются возможность говорить, принимать осознанные решения и т.д. Однако в вопросах политического управления именно физиологические аспекты становятся объектом управления и властных практик. Несмотря на кажущуюся отстраненность от физиологии, наделяя ее низменным статусом, телесность всегда возвращается как объект власти.

Таким образом, для власти человек всегда остается в промежуточном состоянии между политическим и физиологическим, между непосредственно человеком и животным. Подобный «захват» физиологии политикой, неотъемлемо сопутствующий власти, Д. Агамбен называет биополитикой. Таким образом, основным нововведением биополитики Д. Агамбена становится ее синонимичность любому властвованию как таковому. В контексте трудов Д. Агамбена невозможно задать вопрос о времени и месте появления биополитики, так как она совпадает с властью и является внеисторичной. Д. Агамбен, так же, как и М. Фуко, приходит к подобным выводам исходя из результатов анализа западной интеллектуальной традиции. Несмотря на это, сам способ постановки вопроса о феномене властвования как таковом предполагает его универсальность.

Убедиться в том, что подобный подход к пониманию биополитики является подходящим для разных стран и культур, мы можем на примере другого современного исследователя родом из Африки – Ахилле Мбембе. Развивая идеи Д. Агамбена, А. Мбембе переносит их на историю колониальной власти и режима апартеида. Продолжая вопрос о том, в каком виде механизмы суверенной власти дошли до наших дней, А. Мбембе считает, что обычного вписывания физиологических тел в дисциплинарные диспозитивы недостаточно для понимания всего комплекса биополитической власти. Для описания того, как власть подчиняет себе физиологическую жизнь, отделяя и смешивая *Zoe* и *Bios*, вводится понятие некрополитики – силы, сообразно которой жизнь подчиняется смерти [Мбембе, 2001]. Некрополитика проявляет себя как феномен, наиболее четко являющий себя в контексте режима апартеида. Происходит не просто разделение общественных пространств, но и разделение систем здравоохранения. Несмотря на декларирование правительством ЮАР времен апартеида равного доступа всего населения к медицине, фактически качество медицинских услуг зависело от физиологических факторов, таких как цвет кожи [Мбембе, 2015]. Для А. Мбембе это означает, что разделение на *Zoe* и *Bios* не просто осталось актуальным, но модифицировалось в вопрос о сохранении жизни. Таким образом, суверенная власть, вместе с ее функцией решать, кому следует жить, сохранила себя в качестве субъекта, определяющего разницу в уровне «заботы» в отношении различных групп населения. М. Фуко в своих лекциях упоминал, что биополитика также затрагивает ряд вопросов, связанных с институализированным расизмом, однако А. Мбембе удалось развить эту тему наиболее подробно.

Тем не менее, исследовательский жест, использованный Д. Агамбенем, ставит под вопрос целесообразность использования биополитики в подобном ключе. Если власть и биополитика синонимичны, нераздельны, то создается новая проблема. Концептуализация жизни делает определение биополитики еще более запутанным, а неразрывность связи с феноменом властвования препятствует установлению различия между биополитикой и любой другой техникой управления. Несмотря на общее достижение А. Мбембе и Д. Агамбена в вопросах исследования того, как суверенная власть продолжает производить субъектность населения через чрезвычайное положение и пространства исключения, их наработки едва ли способны помочь нам в вопросе того, как применять биополитику к исследованию феномена нелиберальной правительности. В общем и целом, определение, которое дал Д. Агамбен, расширяет понятие, но теряет в конкретике. Таким образом, или определение биополитики и ее признаков изменяется, совпадает с властью, или биополитику становится просто невозможно определить или выделить ее основные признаки.

Обращение к истоку внеисторичности власти не является единственным способом расширения применимости понятия. Как мы уже упоминали ранее, существует другая стратегия концептуализации биополитики. Вторая стратегия связана с тем, через что биополитика себя являет. М. Фуко называет биополитику технологией власти, в том смысле, что она выступает как комплекс инструментов и негласных правил по работе с населением. В таком случае, имеет смысл обратиться к ассамбляжу этих инструментов, определить их специфику и область применения.

Одной из отличительных особенностей современности являются развитые медицинские технологии. Факт того, что подобные технологии способны продлить и значительно облегчить жизнь индивида, очевиден. Тем не менее, каковы политические последствия их появления для власти? П. Рабиноу предлагает ответ на этот вопрос в духе антропологического исследования через введения понятия биосоциальности. Следуя логике рассуждения автора понятия, его содержание связано с появлением нового феномена социологии в вопросах разделения групп по признаку идентичности. [Rabinow, 2005]. Современные медицинские технологии позволяют получить информацию о происхождении человека, следуя которой люди могут ассоциировать себя с определенным происхождением, руководствуясь не генеалогической историей семьи, национальным или культурным маркерам, а сообразно той информации, которая была «добыта» из тела современной медициной. В качестве другого примера образования социальных групп на основе физиологических данных человеческих тел, П. Рабиноу приводит группы взаимопомощи людей с онкологией и других тяжело поддающихся лечению заболеваний. Так или иначе, П. Рабиноу приходит к выводу о том, что медицинские технологии стали источником новых форм идентичности, а соответственно, включаются в порядок работы той или иной власти.

Другой исследователь медицинских технологий, Н. Роуз, заявляет, что будущее, в котором технологии доступа к телесности стали главным инструментом власти, оказывается намного ближе, чем нам казалось на первый взгляд. Под биогражданством понимается совокупность информации о телесности гражданина, которая индивидуализирует его в лице самого себя и, в то же время, выступает в качестве условия бытия этого гражданина в качестве объекта власти [Rose, 2007]. По мнению Н. Роуза,

биогражданство является потенциальным примером взаимовыгодного сотрудничества между властью и индивидом: гражданин получает возможность распоряжаться полученной информацией для обеспечения безопасности своего здоровья, а государство получает способ отследить каждого гражданина в системе административного управления [Rose, Novas 2005]. Примером практической реализации элементов биогражданства можно считать повсеместное распространение феномена сбора и хранения биометрических данных.

А. Негри попытался представить цельный образ биополитики в качестве производной от биотехнологий как глобальной тенденции управления. А. Негри понимает биополитику как, в первую очередь, биополитическое производство, которое не существует отдельно от феномена труда и служит задачам оптимизации и повышению нормы прибыли. Подобная задача биополитики реализуется через вмешательство во все сферы общественной жизни, а также личной жизни индивида: «Биополитика берет под контроль управление здоровьем, гигиеной, питанием, рождаемостью, и т.д., поскольку каждая из этих различных областей вмешательства стала делом политики» [Негри, 2008]. С этим связана еще одна трансформация данной концепции. М. Фуко говорил о биополитике только в контексте ее значения для истории западного мира. А. Негри предлагает сдвинуть хронологические рамки появления биополитики с XIX до конца XX вв. Таким образом, у А. Негри биополитика связана не просто с появлением капиталистических отношений, но с обществом массового потребления. Для А. Негри индивиды, взятые как единое целое, составляют, с одной стороны, машину по производству информации, идей, идентичностей, которые могут влиять на характеристики власти, а с другой стороны, власть производит опосредованное давление на индивидов для того, чтобы привести их в норму по отношению ко всему обществу. Развивая идею о массовости как главном условии биополитики, данный исследователь утверждает, что достаточной степенью массовости может обладать только общество на современном этапе глобализации, когда движение труда и капитала становится по-настоящему глобальным явлением.

Анализируя биополитику А. Негри делает акцент не на феноменах западной интеллектуальной традиции, а на характеристиках современных капиталистических отношений, в том числе, отношений труда и капитала. А. Негри намеренно подчеркивает глобальный статус биополитики как особой практики управления и оптимизации рабочей силы посредством современных биотехнологий и коммуникационных технологий. В ситуации, когда каждый человек понимается как «живое производство», наступает эпоха коммодификации самой жизни. Из этого следует, что биополитика, согласно А. Негри, может быть только глобальной тенденцией, следовательно, она включает в себя и специфику управленческой политики незападных стран. Таким образом, стратегия по работе с биополитикой как с совокупностью технических средств, обеспечивающих непрерывность надзора и возможность необходимого вмешательства в жизнь населения как объекта власти, выглядит наиболее подходящей в целях анализа нелиберальных режимов.

Для того, чтобы проделанная работа по анализу стратегий концептуализации биополитики имела смысл, необходимо убедиться в том, что нелиберальная правительственность не противоречит самой сущности понятия. Иначе говоря, ответить на вопрос о том, насколько крепка связь между либеральной правительственностью и биополитикой? В курсе

лекций, посвященном биополитике, М. Фуко говорил преимущественно о появлении либерализма и неолиберализма. Несмотря на уточнение французского исследователя о том, что становление либерализма для него представляло интерес с точки зрения практики управления, а не политической идеологии, связанной с особым пониманием свободы, традиция смещения биополитики, либеральной экономики и идеологии либерализма успела закрепиться в исследовательском поле. Наблюдать подобное достаточно странно, так как биополитика работает с инструментами надзора и контроля, что очень тяжело связать с идеями либерализма. Французский исследователь Ж. Делез соглашается с А. Негри в вопросах определения биополитики и делает попытку описать то, как будет выглядеть грядущее биополитическое будущее, которому он дал название «общество контроля». Например, Ж. Делез описывал его элементы так: «Нет нужды обращаться к научной фантастике, чтобы представить механизм контроля, который позволял бы получить сведения о положении каждого элемента в открытом пространстве в любое мгновение, животного в заповеднике или человека в корпорации (с помощью, например, электронного ошейника)» [Делез, 2016]. Главной особенностью такого общества становится непрерывный надзор за каждым индивидом как способ максимизации биополитической власти.

Нет сомнений в том, что общество, описанное Ж. Делезом как биополитическое, противоположено идеологии либерализма. Однако если мы отвлечемся от эксцентричного описания образов механизмов контроля и вернемся к их функции, то на удивление окажется, что мы уже живем в таком обществе. Отслеживание каждого индивида реализуется через смартфон, который, в отличие от описанного Ж. Делезом «ошейника», способен собирать биометрическую информацию. Самым действенным способом отрезать неудобного гражданина от любых общественных пространств является блокировка его карточки и счетов в банке. Подобные механизмы контроля используются во всех странах, вне зависимости от их политического режима. Д. Агамбен утверждал, что фашизм приходит на смену либеральным режимам, так как именно они подготавливают технологическую базу для его прихода [Агамбен, 2011]. В таком случае, идеи либерализма в политике и экономике можно считать параллельными спутниками биополитики, но не ее неотъемлемыми элементами. Подлинным источником биополитики следует считать технологии, закрепляющие за населением статус объекта надзора. Наиболее подробно специфику связи между либерализмом и биополитикой описал Митчелл Дин в книге, посвященной правительности, еще одному термину, характерному для М. Фуко [Дин, 2016]. Применительно к феномену биополитики в контексте нелиберального правления, М. Дин заключает, что ярко выраженные элементы суверенной и дисциплинарной власти не являются препятствием для биополитических управленческих инициатив. Иначе говоря, нелиберальная правительность тоже может быть биополитичной. В качестве примера он отсылает к исследованию становления полицейского государства в Германии, проведенному М. Фуко. Из современных примеров биополитического управления М. Дин называет, в том числе, китайскую политику «одна семья – один ребенок».

Продолжая идею М. Дина о примерах биополитических проектов Китая в контексте нелиберальной правительности, перечислим основные управленческие инициативы этой страны, которые можно считать биополитическими. Для начала обратимся к 14-му пятилетнему плану. В отношении проблемы населения правительство КНР ставит такие

задачи, как повышение производительности труда, увеличение показателей образованности рабочей силы, повышение показателей чистоты воздуха и озеленения территорий. Целиком 14-й план посвящен строительству «умеренного процветающего общества» и победе над проблемой бедности. Достижение подобных целей предполагается посредством повышения таких показателей, как покупательная способность населения, квалификация работников на рынке труда и качество жизни. В нашем случае не имеет значения, доверяем ли мы результатам статистики, которые говорят об успешности выполнения плана. Нацеленность руководства КНР на улучшение качества жизни населения как средства оптимизации производства и стимуляции спроса на рынке уже сигнализирует о биополитичности управления.

Однако все еще остается открытым вопрос об особенностях биополитики в контексте нелиберальной правительности. Обратимся к практической реализации работы с населением в КНР. Примером политики контроля рождаемости является проект «одна семья – один ребенок», действовавший в 1979–2015 гг. Согласно этой политике большинству семей в Китае запрещалось иметь более одного ребенка. Нарушение предполагало штраф. Принятие этой политики связано с излишней нагрузкой на земельно-водные ресурсы, а отмена – с сокращением численности трудоспособного населения к 2013 году [Xu, 2020].

В качестве примера политики по улучшению физиологического здоровья населения можно рассмотреть инициативу «Зеленой китайской стены». На данный момент каждый гражданин законодательно обязан высаживать определенное количество деревьев в год, что способствует предотвращению опустынивания, которое значительно ухудшает здоровье жителей Китая [Jiang, 2016]. Исследовательским кейсом государственной политики по предотвращению заболеваемости являются недавние события эпидемии коронавируса. Благодаря мониторингу и отслеживанию заболевших людей через приложение Wechat стало возможным достижение баланса между трудом и самоизоляцией [Wang, Zhang et al., 2020]. В то же время, эффективность мер достигалась посредством введения ограничений на передвижения, а также через использование технологий надзора, что имело не рекомендательный, а скорее принудительный характер.

В каждом из примеров мы можем увидеть организованную государственную политику по оптимизации человеческих ресурсов, реализация которой стала возможной благодаря использованию разносторонних статистических данных и технологий по их анализу, таких как Big Data. Взаимодействие с населением каждый раз происходит как с некоторым органическим единством, а начало и конец каждого из проектов связаны с повышением эффективности труда. Следовательно, каждый из перечисленных проектов в частности, а также политику КНР в целом, следует считать биополитическими. Можно заключить, что нелиберальные политические режимы тоже могут обладать признаками биополитического управления.

Относительно вопроса о том, почему постфукольдские исследования не стремятся обращаться к нелиберальным режимам Востока, остается сказать, что это связано с направлениями развития понятия «биополитика». В большинстве случаев биополитика используется как способ описать механизмы, с помощью которых население опосредованно контролируется и принуждается властью к определенным действиям в странах, которые декларируют свободу индивида в качестве основополагающей ценности. Для политических

режимов, построенных на коллективистских ценностях, подобный подход не показывает ничего нового. В то же время связь между современными технологиями и государственной необходимостью в реализации управленческих инициатив подталкивает многие современные страны к заимствованию китайского опыта, что является достаточно проблематичной тенденцией для ряда демократических стран. Изучение успехов и неудач биополитики нелиберальной правительности в КНР способно дать ответ на вопрос о перспективах будущих точек напряжения между властью и населением современных стран. Что касается самого Китая, отвечая на вопрос о столь плотной концентрации биополитических техник власти в этой стране, пожалуй, будет недостаточно опираться только на преимущество в технологиях. У Китая нет таких технологий оптимизации управления, которых не могло бы быть у других современных стран. Разница заключается в том, что позволяет их использовать именно таким образом. Нацеленность управленческой политики на население в целях экономической оптимизации, которую М. Фуко называл одной из предпосылок биополитики, может принимать формы нелиберальной правительности в государственном управлении КНР. Более принудительный характер работы с населением, а также наличие многолетних крупных программ оптимизации отличает биополитику в Китае от западных стран с либерально-демократическими режимами. Подобное сближение интересов государственной власти и капитала делает структуру организации управления похожей на корпорацию, что является богатой почвой для биополитики как деятельности по оптимизации трудовых ресурсов. В случае нашего исследовательского кейса, в качестве потенциального трудового ресурса выступает население целой страны. Именно это следует считать главной особенностью нелиберальной биополитики Китая. Тем не менее, содержательно биополитика как технология власти по управлению населением остается неизменной.

Список литературы / References

Агамбен, Д. (2011). *Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа.
Agamben, D. (2011). *Homo sacer. Sovereign power and bare life*. Moscow. (In Russ.)

Агамбен, Д. (2012). *Открытое*. М.: РГГУ.
Agamben, D. (2012). *The Open*. Moscow. (In Russ.)

Делез, Ж. (2016). Post Scriptum к обществам контроля. Пер. с фр. Н. Мелентьевой. [Электронный ресурс]. *Сигма*. 18.08.2016. URL: <https://syg.ma/@klimov/zhil-dieliez-obshchiestvo-kontrolia> (дата обращения: 08.05.2021).

Deleuze, G. (2016). Postscript on the Societies of Control. Transl. by N. Melentjeva. [Online]. *Sigma*. 18.08.2016. URL: <https://syg.ma/@klimov/zhil-dieliez-obshchiestvo-kontrolia> (Accessed: 8 May 2021) (In Russ.)

Дин, М. (2016). *Правительность: власть и правление в современных обществах*. М.: Дело.

Dean, M. (2016). *Governmentality: Power and Rule in Modern Society*. Moscow. (In Russ.)

Негри, А. (2008). Труд множества и ткань биополитики. *Синий диван*. № 12. С. 80-92.

Negri, A. (2008). The Labor of the Multitude and the Fabric of Biopolitics. *Blue sofa*. no. 12. pp. 80-92. (In Russ.)

Фуко, М. (1996). *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. Пер. с фр. С. Табачникова. М.: Касталь.

Foucault, M. (1996). *The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality*. Transl. by S. Tabachnikova. Moscow. (In Russ.)

Фуко, М. (2010). *Рождение биополитики*. Пер. с фр. А. Дьякова. СПб.: Наука.

Foucault, M. (2010). *The Birth of Biopolitics*. Transl. by A. Dyakova. St. Petersburg. (In Russ.)

Фуко, М. (2011). *Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году*. Пер. с фр. Н. В. Суслова, А. В. Шестакова, В. Ю. Быстрова. СПб.: Наука.

Foucault, M. (2011). *Security, territory, population: a course of lectures delivered at the Collège de France in the 1977-1978 academic year*. Transl. by V. Yu. Bystrov, N. V. Suslov, A. V. Shestakov. Moscow. (In Russ.)

Хардт, М., Негри, А. (2004). *Империя*. М.: Праксис.

Hardt, M., Negri, A. (2004). *Empire*. Moscow. (In Russ.)

Хоркхаймер, М., Адорно, Т. (1997). *Диалектика Просвещения: Философские фрагменты*. М.: Медиум.

Horkheimer, M., Adorno, T. (1997). *Dialectics of Enlightenment: Philosophical Fragments*. Moscow. (In Russ.)

Jiang, H. (2016). Taking Down the “Great Green Wall”: The Science and Policy Discourse of Desertification and Its Control in China. [Online]. *ResearchGate*. Apr. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/301320576_Taking_Down_the_Great_Green_Wall_The_Science_and_Policy_Discourse_of_Desertification_and_Its_Control_in_China (Accessed: 8 May 2021).

Mbembe, A. (2001). *On the Postcolony*. California. University of California Press.

Mbembe, A. (2015). Apartheid futures. Public positions. Johannesburg: Wits Institute for Social and Economic Research. [Online]. *Central Data Catalog*. URL: <https://catalog.ihnsn.org/index.php/citations/73212> (Accessed: 8 May 2021)

Rabinow, P. (2005). Artificiality and Enlightenment: From Sociobiology to Biosociality. *Anthropologies of modernity: Foucault, governmentality, and life politics*. New Jersey. Blackwell Publishing. pp. 181-193.

Rose, N. (2007). *The Politics of Life Itself: Biomedicine, Power, and Subjectivity in the Twenty-First Century*. Oxford. Princeton University Press.

Rose, N., Novas, C. (2005). *Biological citizenship. Global assemblages: technology, politics, and ethics as anthropological problems*. New Jersey. Blackwell Publishing. pp. 439-463.

Wang, W., Wang, Y., Zhang, X., Jia, X., Li, Y. (2020). Using WeChat, a Chinese Social Media App, for Early Detection of the COVID-19 Outbreak in December 2019: Retrospective Study [Online]. *JMIR Publications*. 15.10.2020. URL: <https://mhealth.jmir.org/2020/10/e19589/> (Accessed: 8 May 2021).

Ху, У. (2020). One Child Policy, China. [Online]. *ResearchGate*. Apr. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/340634606_One_Child_Policy_China (Accessed: 8 May 2021).

Сведения об авторах / Information about the authors

Кшевин Николай Владимирович – студент 4-го курса Института социально-политических технологий и коммуникаций Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Тихоокеанская, 136, e-mail: kshevin.zrb71@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1903-1849>

Симоненко Ольга Анатольевна – кандидат политических наук, доцент кафедры социологии, политологии и регионоведения Института социально-политических технологий и коммуникаций Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Тихоокеанская, 136, e-mail: 001873@pnu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1140-9680>

Статья поступила в редакцию: 20.04.2021

После доработки: 02.06.2021

Принята к публикации: 10.06.2021

Kshevin Nikolai – student of the Institute of Socio-Political Technologies and Communications of the Pacific State University, Khabarovsk, Tikhookeanskaya, 136, e-mail: kshevin.zrb71@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1903-1849>

Simonenko Olga – Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology, Political Science and Regional Studies of the Institute of Socio-Political Technologies and Communications of the Pacific State University, Khabarovsk, Tikhookeanskaya, 136, e-mail: 001873@pnu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1140-9680>

The paper was submitted: 20.04.2021

Received after reworking: 02.06.2021

Accepted for publication: 10.06.2021